

— Пора восторженного моего отношения к Гострему миновала ещё весной, если не раньше - в конце прошлого, 1970-го года. В энергичности, нахрапистости ему, конечно, нельзя было отказать. Свою главную идею - создать в Калининграде крупный научный центр под своей эгидой он проводил в жизнь настойчиво и целеустремлённо. Вокруг него складывался и рос не по дням, а по часам коллектив, хотя разношёрстный, но в научной своей части состоящий из молодых и толковых ребят, способных на многое при надлежащей их мобилизации. Всё это были несомненные плюсы Гострема.

— Но чем ближе мы сталкивались с ним в различных ситуациях просто как с человеком, личностью, тем больше неприятных чёрточек открывалось в нём. Поначалу мелких, но их множества складывались потом в крупные.

— Он легко давал обещания, безоговорочные, уверенные. И ничуть не смущался, если их не удавалось выполнить или если он передумал. Оправдывался он в таких случаях каким-то косноязычным бормотаньем: "Это ничего, так сказать, это потом, сейчас надо работать, так сказать..." и т.п. Он запросто мог и приврать - и по мелочи, и по крупному. Мог грязновато посплетничать - одному про другого, а тому про первого. А порой и вообще срывался на какие-то дикие выходки.

— Первый раз, помню, удивил он нас ещё в прошлом году, когда, собравшись нашей компанией в квартире у Шагимуратова отметить его день рождения, мы пригласили и Гострема с женой. Уже в самом начале вечера он отмочил такую шутку. У Этель Эмильевны спросили, что она будет пить. За неё ответил Гострем:

— О, она пьёт водку!

— Взял стоявшую на столе четвертинку водки и вылил её полностью в фужер своей жене. Мы вылупили глаза. Надо сказать, что у нас выпивки отнюдь не много было. Ну, ладно. Выпили, закусили, включили музыку, всё шло обычным манером, не считая некоторой скованности поначалу из-за присутствия Гострема, которая, впрочем, постепенно прошла под действием спиртного. На него перестали обращать внимание, и они с Этель вскоре ушли, наплясавшись со всеми. А случилось так, что кто-то из их детей захлопнул, уходя, дверь квартиры, ключей же у Гострема не было. Жили они как раз над Шагимуратовым в бывшей квартире Суходольских. Слышим, наверху какой-то шум. Оказалось, Гострем дверь ломает. Потом шум усилился, слышалась явная ругань - это дети появились. А через полчаса к нам ворвался Гострем, ещё недавно пивший и веселившийся вместе с нами, подскочил к розетке и вырвал шнур магнитофона.

— Хватит! Надо совесть иметь, так сказать! - И ушёл.

— Мы обалдели.

— Ну и хам! - первой пришла в себя Майечка Бирюкова. - И это профессор!

— Мы, конечно, снова включили магнитофон, только дверь в квартиру захлопнули.

— Потом до нас дошли слухи от Гостремовских соседей по лестничной площадке, что у профессора с сыном Мартином бывают драки. Что младшая дочь Лаура однажды пырнула Мартина в ногу кухонным ножом - это рассказывала Майечка, которую Дженни позвала на перевязку (а Этель Эмильевна в это время заперлась у себя в комнате). Обслуживала семью Гострема стиркой тётя Маша Феофилактова, подружка нашей бабушки Фени, обсерваторская сторожиха и уборщица. Она поражалась, в каком свинарнике живёт профессорская семья. Мне и самому как-то довелось побывать у них на кухне, заваленной горами грязной посуды и всяким хламом. Всё это никак не вязалось с тем впечатлением, которое они с Этель производили своим в общем-то респектабельным, вполне профессорско-интеллигентным, заграничным внешним видом.

— Быстро невзлюбили Гострема низовые кадры обсерватории - лаборанты, техники, шофера, кочегары, сторожа. От него невозможно было добиться конкретного решения какого-либо хозяйственного вопроса. Весь в глобальных проблемах, пропадая большей частью времени в Калининграде, он совершенно запустил рутинную хозяйственную

службу в Ульяновке и в Измирановском доме в Ладушкине, не занимаясь ею сам и не поручая никому. От нависавших проблем - ремонтных, снабженческих, подвоза людей, отопления, особенно обострившихся из-за перехода на круглосуточные наблюдения, он либо просто отмахивался, либо городил что-нибудь несусветное о будущих перестройках. Вскоре низы стали считать его просто болтуном и именовали "профессором" не иначе как с иронической, если не презрительной, интонацией.

—Шофера на первых порах относились к нему уважительно: любые машины он водил мастерски и хорошо знал их. В городе ездил лихо, часто нарушая правила. Однако ни о машинах, ни о запчастях, ни о бензине он не заботился и своей лихой эксплуатацией скромного обсерваторского автопарка только создавал дополнительные проблемы шоферам. Довольно быстро он заездил "ЕРАЗ"ик, потом грузовой "ГАЗ-51". Когда появился Круковер со своим стареньким "Запорожцем", Гострем было запряг его в качестве собственного извозчика, не смущаясь несоразмерностью габаритов машины и своей долговязой фигуры. Круковер повозил, повозил Гострема, а потом откровенно забастовал под видом капитальной поломки "Запорожца".

—Мои личные взаимоотношения с Гостремом начали ухудшаться ещё до истории с выборами, со времени нашей совместной преподавательской работы, когда я стал осмеливаться делать ему замечания по поводу его ошибок в лекциях, на что он очень раздражался. В свою очередь меня страшно злило, что Гострем совершенно не уважает моё личное время - может попросить подождать несколько минут, якобы есть важное дело, прождёшь и полчаса, и час, и два, а он, как ни в чём не бывало, спросит какую-нибудь ерунду или вообще забудет, чего хотел...

—А сколько раз я обжигался, надеясь, что он подвезёт с собой до Ладушкина или Калининграда, как обещал. Пропускал автобусы и дизели и оставался вообще ни с чем - Гострем забывал про меня! Все эти мелочи сначала очень раздражали, я огорчался, даже обижался, а потом привык и перестал на Гострема рассчитывать, пропуская мимо ушей большую часть его болтовни и не обольщаясь его обещаниями. Чтобы в случае надобности ловить его на слове, я перешёл на новую форму общения с ним - стал подавать ему докладные записки, напечатанные на машинке, оставляя себе копии. Я заметил, что на бумажки, особенно напечатанные под копирку, он реагирует совсем иначе, чем на просто сказанные слова...

(продолжение следует)